

Глава I

МОНКСХЕЙВЕН

На северо-восточных берегах Англии раскинулся городок Монксхейвен¹, где ныне проживают около пятнадцати тысяч человек. Однако в конце минувшего столетия обитателей там насчитывалось вполтину меньше, и именно в ту пору происходили события², о которых повествуется на следующих страницах.

Монксхейвен — название неизвестное в истории Англии, здесь нашла прибежище одна лишенная трона королева³, о чем в городе живы предания. В ту пору на близлежащих возвышенностях восседал укрепленный замок, на месте которого теперь стоял заброшенный особняк; а еще раньше, задолго до прибытия королевы, на тех скалах обосновался ровесник самых древних камней замка — большой монастырь⁴, обозревавший ширь океана, сливавшегося с небом в дальней дали. Сам Монксхейвен

¹ Прототипом Монксхейвена (Monkshaven — букв. «прибежище монахов») является приморский город Уитби (Whitby) на северо-востоке Англии (графство Норт-Йоркшир), который Э. Гаскелл посетила в ноябре 1859 г., когда он представлял собой развивающийся курорт с населением около 11 000 человек.

² Действие в романе разворачивается в 1793–1800 гг.

³ Единственной королевой, имевшей отношение к Уитби, была Энфледа Дейрская (626–685), жена короля Нортумбрии Освиу (612–670), который отдал на воспитание святой Хильде (614–680), настоятельнице монастыря Уитби, свою дочь Эльфледу (654–714), и та впоследствии, по смерти св. Хильды, сменила ее на посту аббатисы.

⁴ Монастырь Уитби был основан св. Хильдой в VII в. и разрушен викингами в IX в.

возник в устье реки Ди¹, там, где ее воды впадали в Германский океан². От центральной улицы, что бежала параллельно речному руслу, ответвлялись узкие улочки, карабкавшиеся вверх по крутым склонам холма, а между ним и рекой притулились жилые дома. Через Ди был перекинут мост, и, соответственно, от него отходила Мостовая улица, которая шла строго перпендикулярно Главной; и к югу от реки в окружении садов и полей расположились несколько более помпезных домов. Именно в этой части города проживала местная знать. И кто же были аристократы этого маленького городка? Не отпрыски графских родов, чтившие традиции наследования в своих особняках на девственно суровых вересковых пустошах, которые отгораживали Монксхейвен от остального мира на суше столь же надежно, как и вода со стороны океана. Нет, представители этих старинных фамилий чурались неприятного, но рискованного ремесла, благодаря которому из поколения в поколение обогащались некоторые семьи Монксхейвена.

Магнатами Монксхейвена слыли те, кто владел наибольшим количеством судов, занятых в китобойном промысле. Жизнь монксхейвенского паренька из этого класса обычно складывалась следующим образом: наряду с другими юнцами, числом человек двадцать, а то и больше, он поступал юнгой на корабль одного из богатых судовладельцев — возможно, собственного отца. Летом вместе со своими товарищами он ходил в Гренландские моря, ранней осенью возвращался с добычей, а зимой наблюдал, как в топильнях производят масло из ворвани, и постигал науку навигации под началом какого-нибудь чудаковатого, но опытного наставника, одновременно учителя и моряка, сдобривавшего уроки волнующими рассказами о безумных приключениях своей юности. На период «мертвого» сезона, длившегося с октября по март, он вместе со своими товарищами поселялся в доме владельца судна, к которому их определили в ученики. Там отношение к этим юношам разнилось в зависимо-

¹ Под рекой Ди подразумевается река Эск, в дельте которой стоит Уитби.

² Германский океан — так называлось Северное море до конца XIX в.

сти от платы за обучение: одни находились на том же положении, что и хозяйские сыновья, с другими обращались чуть лучше, чем со слугами. Однако стоило им взойти на борт судна, все сразу становилось равны: если кто и претендовал на превосходство, то только самый отважный и способный. Совершив определенное количество выходов в море, монксхейвенский паренек постепенно дослуживался до капитана и, как таковой, получал право на долю добычи; вся его прибыль и сбережения шли на постройку собственного китобойного судна, если только ему не посчастливилось родиться в семье судовладельца. В то время, о котором я пишу, в монксхейвенском китобойном промысле разделения труда фактически не существовало. Один и тот же человек мог быть владельцем шести-семи китобойных судов, командовать одним из них, обладая необходимыми навыками и опытом, держать два десятка учеников, каждый из которых платил ему приличную сумму, и иметь в собственности топильные цеха, где перерабатывали на продажу добытую ворвань и китовый ус. Посему неудивительно, что эти судовладельцы наживали огромные состояния и их дома к югу от Ди являли собой величавые особняки, обставленные красивой добротной мебелью. Не удивляло и то, что город в целом имел земноводный облик, что до некоторой степени было необычно даже для морского порта. Здесь все до единого зависело от китобойного промысла, и почти каждый обитатель мужеского пола был — или надеялся стать — моряком. В определенное время года в низовьях реки витал почти нестерпимый запах, который, кроме жителей Монксхейвена, мало кто смог бы вынести, но местные старики и дети часами торчали в тех вонючих «доках», словно упивались смрадным духом ворвани.

Впрочем, довольно описывать сам город. Я говорила, что этот край на многие мили окрест покрывали вересковые пустоши; высоко над морем вздымались скалы, чьи вершины венчала зелень, травяными прожилками чуть выплескивавшаяся на сиреневые склоны. Тут и там с гор к морю пробивались речушки, проложившие в долинах свои русла, которые водные потоки за многие годы сделали относительно широкими. А во впадинах на вересковых пустошах, как и в этих долинах, густо росли деревья и кустарники; и если на голых возвышенностях нагорья пустынь-

ная безотрадность пейзажа вызывала у вас дрожь, то, спускаясь в эти лесистые «ямы», вы очаровывались уютной прелестью прибежища, что находили там. Но над этими не столь часто встречающимися плодородными низинами и вокруг простирались бескрайние пустоши, местами довольно унылые, с обнаженными глыбами красного песчаника, выступающими на облезлых лугах; бывало, попадались и бурые торфяные болота — ненадежная дорога для путников, пытавшихся срезать путь до цели своего путешествия; а песчаные почвы более высоких участков обильно устилал вереск, самый что ни на есть обыкновенный, лиловевший в своей восхитительной первозданности. Кое-где торчали пучки сочной гибкой травы, которую ощипывали маленькие черномордые овечки; то ли из-за скудости пищи, то ли в силу своей природной подвижности сродни козлиной прыти они оставались тощими, не суля больших выгод мясникам, да и шерсть они давали не столь качественную, чтобы приносить доход своим хозяевам. Такие районы и сегодня населены не очень плотно, а в прошлом веке, до того как в сельском хозяйстве стали применяться достижения науки, позволившие осваивать суровую природу болотистых пустошей, и появились железные дороги¹, в периоды охотничьего сезона доставлявшие издалека любителей охоты, которым требовалось жилье, народу здесь обитало еще меньше.

В долинах стояли старые каменные усадьбы; на пустошах виднелись разделенные длинными расстояниями убогие фермы с крошечными стогами низкосортного грубого сена и чуть более высокими кучами торфа во дворах, которым зимой отапливали дома. Коровы и быки, что паслись на пастбищах, принадлежавших этим хозяйствам, выглядели заморенными, но, как ни странно, морды у них, как и у тех черноголовых овец, были необычайно умные, что можно редко наблюдать у откормленных животных, которым обычно свойственно безмятежно-тупое выражение. Все ограждения представляли собой торфяные валы, поверх которых громоздились камни.

¹ Первая железная дорога (на конной тяге) была проложена до Уитби в 1836 г.; первая железная дорога на паровой тяге появилась там в 1845 г.

Редкие зеленые долины отличались сравнительно плодородными почвами и богатой растительностью. Вдоль ручьев тянулись узкие полоски лугов с сочной травой, которой, казалось, было вполне достаточно, чтобы коровы могли утолить голод, тогда как на гористых участках пастбища были скудные, и не стоило тратить силы на то, чтобы пускаться на их поиски. Правда, пронзительные ветры, дувшие по течению водных потоков, проникали даже в те райские «ямы», где они гнули и валили деревья, препятствуя их росту, но все равно там оставалось густое пышное мелколесье, сплетавшееся с зарослями куманики, а также малины розолистной (да-да!) и жимолости; и если фермер, проживавший в одной из этих более или менее благодатных ложин, имел жену или дочь, увлекавшихся садоводством, их дом, сложенный из необработанного камня, с западной или южной стороны утопал бы в цветах. Но в ту пору садоводство как искусство не пользовалось популярностью ни в каких районах Англии; на севере страны и по сей день не пользуется. Знать и мелкопоместное дворянство разбивали чудесные сады, но фермерам и поденщикам к северу от Трента¹ до них было мало дела, это я знаю наверное. Несколько «ягодных» кустиков, один-два куста черной смородины (листья клали в чай для усиления его вкуса, плодами лечили простуду и больное горло), картофельное поле (и на исходе минувшего века картофель не выращивали повсеместно, как теперь), посадки шалфея, мелиссы, тимьяна и майорана, может быть, еще розовый куст и «старичок»², где-то затесавшийся между ними; крошечная делянка с мелким репчатым луком и, может быть, с календулой, лепестками которой приправляли суп из говяжьей солонины, — из таких вот растений и состоял ухоженный сад-огород на обычной ферме в то время и в том краю, к которому относится мое повествование. Но и на удалении двадцати миль от воды море и морской про-

¹ Трент (Trent) — одна из самых значимых рек Великобритании. Берет начало на юго-западных склонах Пеннинских гор в Стаффордшире, протекает по графствам Ноттингемшир, Дербишир, Линкольншир и Йоркшир. Впадает в эстуарий Хамбер Северного моря. Длина — 298 км.

² «Старик» — народное название полыни кустарниковой, поскольку, по одной из версий, это растение символизирует старость.

мыслей всюду напоминали о себе; останками ракообразных, водорослями, отходами топильных цехов удобряли почву; поля и пустоши усеивали, вздымаясь дугами над воротными столбами, пугающе огромные, обесцвеченные до белизны кости китовых челюстей. В каждой семье, в той или иной мере кормившейся от сельского хозяйства, один из нескольких сыновей непременно ходил в море, и его мать с тоской поглядывала в сторону побережья, следя за направлением ветра, завывавшего над пустошью. В праздники все устремлялись к морю; никому и в голову не приходило поехать в глубь острова, да и что там смотреть? — разве что посетить большую ежегодную конную ярмарку, которую устраивали в том месте, где дикие ландшафты сменяли населенные районы и возделанные поля.

В этом краю мысли о море не отпускали даже жителей самых глубинных частей острова, тогда как в других уголках страны за пять миль от океана никто уже и не вспоминал про существование такой стихии, как соленая вода. И тому главной, первостепенной причиной, вне сомнения, являлся гренландский промысел прибрежных городов. Но также в то время, о котором я пишу, умы всех и каждого терзали страх и тревога в связи с угрозой, исходившей из пограничного моря.

С окончанием Войны за независимость в Северной Америке отпала необходимость регулярно пополнять ряды военноморских сил, и средства, выделяемые правительством на эти цели, с каждым годом мирной жизни урезались. В 1792 году размер таких ассигнований достиг минимума. А в 1793-м события во Франции воспламенили Европу, и англичан охватили антигалльские настроения, которые всеми возможными способами умело разжигали монархия и ее министры, подстрекавшие страну к активным действиям. Корабли у нас есть, но где же наши моряки? Однако Адмиралтейство, опиравшееся на богатую практику прецедентов, имело под рукой готовое решение и инструмент общего (пусть и не статутного) права, санкционировавшего его применение. Ведомство издавало «ордера на принудительную вербовку матросов», призывая гражданские власти по всей стране оказывать поддержку офицерам в исполнении их служебного долга. Морское побережье делили на территории под командованием капитанов военных кораблей, а те, в свою